

НЕ СМОТРИ

КРИСТИН ХАРТ

18+

Кристин Харт

Не смотри. Книга 1.

«Автор»

2026

Харт К.

Не смотри. Книга 1. / К. Харт — «Автор», 2026

«Не смотри» — история о том, что пугает и притягивает одновременно. Я стараюсь показать не то, что случилось с героями, а то, что это значило для них. Между Лерой и Максимом — тонкая грань, на которой притяжение и опасность неразличимы: здесь чувство становится одновременно опорой и ловушкой. Их встречи повторяются, как прилив, и в этой цикличности — её растерянность, её недоверие случайностям и медленная зависимость от них. Я верю, что настоящие эмоции рождаются в обыденности. В запахе остывшего капучино, в выбившейся у виска пряди, в паузе между словами, которую никто не решается заполнить. Мне важно, чтобы читатель эту паузу почувствовал физически — как задержанное дыхание. Если вам ближе истории, где самое важное происходит внутри, а не снаружи, — мы на одной волне. И я буду рада, если моя история найдёт вас.

© Харт К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. На пороге	5
Часть 1. Взгляд. Глава 1. Девушка, которая замечала всё	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Кристин Харт

Не смотри. Книга 1.

Пролог. На пороге

Я не должна была сюда приходить. Знала: один взгляд — и всё рухнет. Но ноги сами несли меня к этому подъезду, будто хотели добить то, что и так едва держалось на нитках.

Пальцы отчаянно дрожали, когда я нажимала кнопку звонка. Дверь распахнулась раньше, чем звук успел затихнуть.

Он стоял на пороге, словно примёрз к этому месту. В глазах читалась даже не усталость, а какая-то выжженная тишина, в которой не осталось места ни для радости, ни для злости. Он смотрел сквозь меня — будто видел не мокрое пальто, не прилипшие ко лбу пряди, не пальцы, которые я всё никак не могла перестать теревить. А что-то за мной. То, что я старательно прятала даже от себя.

— Ты зачем?

В его голосе не было злобы. Скорее пустота — такая, какая бывает в комнате, где только что что-то разбилось и теперь все боятся сделать шаг, чтобы не наступить на осколки.

Я открыла рот, чтобы сказать: «просто так», «ничего», «я уже ухожу». Но слова застряли в горле — тяжёлые, горькие, как пепел.

— Не смотри на меня так, — прошептала я, сама не понимая, о чём прошу. — Пожалуйста.

— А как мне смотреть? — он шагнул вперёд, и между нами стало меньше воздуха. — Если я не имею права ни трогать, ни спрашивать, ни даже думать о тебе... как мне вообще на тебя смотреть?

Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Пусть лучше будет больно телу, а не душе, которую и так почти разорвало на части. Хотелось закричать: «Да хоть как-нибудь! Пусть сердито, равнодушно, с насмешкой — да как угодно, только не так, будто я делаю тебе больно одним своим существованием!» Но вместо слов я просто покачала головой, пытаюсь стряхнуть с себя эту тяжесть — боль, которую невозможно было заглушить.

— Я не хотела, — выдохнула я, и голос сорвался. — Правда не хотела. Просто... мне было страшно оставаться одной с этой тишиной внутри. А у тебя она другая. У тебя она звенит от того, что ты не говоришь.

Он на секунду прикрыл глаза, будто мои слова ударили его в грудь. А когда снова посмотрел — в этом взгляде уже не было пустоты. В нём была упорная борьба. Такая, после которой не остаётся сил ни на что.

— Ты не понимаешь, — сказал он тихо, почти себе под нос. — Ты не знаешь, сколько всего держится на том, что я держу себя в узде. Каждый день. Каждый час. Каждую минуту.

— Знаю, — перебила я и сама удивилась, насколько твёрдо это прозвучало. — Я вижу, как ты сжимаешь кулаки, когда думаешь, что никто не смотрит. Как стараешься не встречаться со мной глазами, боишься, что согласишься чуть дольше — и всё развалится. Но знаешь, что самое страшное? Не то, что ты запрещаешь себе чувствовать. А то, что ты заставляешь меня чувствовать себя виноватой за то, что я просто есть.

Он замер, будто эти слова стали между нами невидимой стеной. Потом медленно провёл ладонью по лицу — словно пытался стереть с себя усталость, боль и эту бесконечную борьбу.

Между нами оставалось меньше полуметра. И целая жизнь запретов, которые мы сами себе придумали.

И в этот момент я поняла: любовь невозможно запереть в коробку и убрать в дальний ящик. Можно только ломать себя, пытаюсь это сделать — стирать пальцы в кровь, сжимая кулаки и пряча глаза. Можно выстроить высокую стену из «нельзя» и «не положено». Но чувство всё равно останется жить — в каждом случайном взгляде, в каждой неловкой паузе, в том, как он чуть задерживает дыхание, когда я оказываюсь слишком близко.

— Прости, — прошептал он, и в этом «прости» было столько боли, что внутри у меня всё сжалось.

— Не надо. — Я шагнула к нему, не думая, не взвешивая, просто повинуюсь тому, что рвалось изнутри. — Не извиняйся за то, что тебе тяжело. Я не хочу быть той, из-за кого тебе приходится быть сильным.

Он смотрел на меня — и я увидела, как в его глазах что-то надломилось. Не до конца, не полностью. Но достаточно, чтобы за запретом стало видно другое: отчаянное, упрямое желание быть просто человеком, которому позволено чувствовать.

— Если я сейчас тебя обниму, — сказал он хрипло, будто каждое слово давалось ему с трудом, — я уже не смогу остановиться.

— И не надо, — ответила я, не отводя взгляда. — Не останавливайся. Просто... будь со мной. Хоть минуту. Без правил. Без запретов. Без «я не имею права».

Он ещё секунду стоял — взвешивал эти слова, проверял их на прочность. А потом протянул руку и очень осторожно, будто боялся спугнуть, коснулся моих пальцев.

И в этом лёгком прикосновении было больше правды, чем во всех наших «нельзя» вместе взятых.

Часть 1. Взгляд. Глава 1.

Девушка, которая замечала всё

В моей жизни не происходило ничего, о чём потом рассказывают подругам на перерывах между парами, или пишут в соцсетях, или заливают в истории под ритмичную музыку. В ней не было громких признаний, внезапных поездок, безумных вечеринок и людей, способных одним появлением перевернуть привычный порядок вещей.

Моя жизнь состояла из тихого шелеста страниц, маминых шагов на кухне и сменяющейся природы за окном. Ещё в ней была Соня — моя лучшая подруга. Мне иногда казалось, что мы вообще не должны были подружиться. Мы были словно вода и огонь: тихий прилив и бушующий шторм. Слишком разные, чтобы совпасть, и слишком притягательные, чтобы выбрать в подруги кого-то другого. Но именно в этой разнице и рождалось что-то настоящее: её смех вытаскивал меня из тишины, а моя тишина помогала ей немного замедлиться. Мы не сглаживали углы друг друга — мы учились видеть в них свет.

Сегодня я проснулась не от будильника, а от мягкого света, пробравшегося сквозь неплотно задвинутые шторы. Он лёг на раскрытую книгу рядом с подушкой, подсветил строчки и заставил буквы казаться золотистыми. На полях страницы остался едва заметный карандашный штрих — моя пометка, сделанная вчера в полутьме. Я провела пальцем по этой линии, будто проверяя, не исчезла ли она за ночь. Иногда мне казалось: если не коснуться такой детали, она перестанет быть настоящей.

За окном тонкие ветви берёзы покачивались под тихим ветром, едва касаясь стекла. Я несколько секунд лежала неподвижно и смотрела на них, ещё не решаясь окончательно проснуться. Мне всегда нравились такие минуты. Мир ещё не успевал стать громким. Всё словно зависало на границе между сном и явью.

«Интересно, можно ли научиться жить в таком утре постоянно?» — на секунду задумалась я, прикрывая глаза. Но я знала ответ заранее: нельзя.

Иногда мне хотелось хотя бы ненадолго задержать этот момент. Не вставать, не думать об учёбе, о предстоящих зачётах, о чужих взглядах, которые мне давались трудно, и о том, почему у других девушек получается быть уверенными в себе так легко, а у меня — нет. Я не умела быть в центре внимания. И даже не хотела туда попадать.

На подоконнике стояла старая стеклянная бутылка с засохшими веточками лаванды. Мама привезла их в прошлом году с дачи и собиралась выбросить, когда цветы начали увядать. Но я не позволила — перевязала стебли тонкой бечёвкой и оставила на подоконнике. Теперь лаванда почти потеряла цвет, но всё ещё хранила едва уловимый запах лета.

Мне нравилось думать, что вещи могут оставаться живыми даже после того, как увядают. Наверное, поэтому я их и не выбрасывала. И не любила, когда мама говорила, что пора заменить сухоцветы: мне казалось, что в этом есть что-то слишком решительное, слишком быстрое.

Уголки губ чуть дрогнули в улыбке, и рука сама потянулась к книге. В такие минуты книги были моими лучшими собеседниками: они не требовали быть весёлой, удобной или громкой. Им было всё равно, во что я одета и почему предпочитаю молчать, пока другие говорят без умолку. Они просто открывали двери в другие миры.

Стоило прочитать первую строку — и реальность начинала отступать. Моя небольшая комната превращалась в старый замок, морской берег или улицу незнакомого города. Туда можно было сбежать от людей, от себя, от своих мыслей. В этом мире не нужно было ни о чём думать. Там не существовало девочек, рядом с которыми ты всегда чувствуешь себя бледной копией. Никто не смотрел на тебя оценивающе. Можно было вдохнуть воздух полной грудью и быть собой.

Я успела прочитать всего несколько строк, когда взгляд снова потянулся к окну.

Начался мелкий дождь. Капли стекали по стеклу, соединяясь в тонкие дорожки. Одни исчезали почти сразу, другие становились тяжелее и медленно спускались вниз, собирая по пути новые капли.

Природа никогда не была для меня просто фоном. В каждом дереве, в каждом запахе после дождя, в каждом луче солнца, пробившемся сквозь облака, было что-то живое и настоящее.

«Может быть, поэтому мне с ней проще, чем с людьми?» — проскользнула мысль.

Когда дереву было тяжело, оно гнулось под ветром. Небо перед грозой темнело, а не делало вид, что всё хорошо. Мне нравилась эта честность.

— Лера! — крикнула мама из кухни, и голос её прозвучал как-то особенно тепло, будто вместе с ним в комнату ворвался запах сырников. — Ты проснулась?

— Да, — тихо отозвалась я, хотя всё ещё лежала в кровати. Кричать в ответ я не стала: громкие голоса по утрам казались мне чем-то резким, почти неприятным.

— Тогда иди завтракать, пока всё не остыло!

Мама знала, что я читаю, хотя в это время мне пора было собираться в университет.

Я нехотя закрыла книгу и аккуратно положила её на тумбочку — рядом с настольной лампой, под которой лежал раскрытый блокнот. Затем встала с кровати, стараясь не наступить на разбросанные возле неё закладки. Я любила ходить по полу босиком. Мне нравилось ощущать пол ступнями, чувствовать, как прохладный ламинат постепенно становится тёплым. Это возвращало меня в реальность лучше любого будильника.

Подойдя к окну и накинув кофту прямо поверх пижамы, я приоткрыла его на несколько сантиметров. В комнату вошёл прохладный воздух с запахом мокрой земли.

— Лера! — тут же донёсся мамин голос с кухни. — Не открывай окно!

Я улыбнулась и тихо крикнула:

— Я уже закрываю! — но не закрыла. Всего несколько секунд свежего воздуха не могли никому навредить. Мне нужно было это короткое ощущение, что мир снаружи всё ещё мой, даже если я не готова с ним разговаривать.

Я разблокировала телефон и сделала несколько фотографий берёзы, ветви которой казались почти серебристыми на фоне дождливого утра. Наверное, со стороны это выглядело странно: человек фотографирует мокрые ветки, серое небо и капли на стекле. Но мне хотелось сохранить это утро — и то, что через несколько часов исчезнет.

Моя комната была небольшой, но уютной. Стены — светлые, тёплые, почти кремовые. На одной висели фотографии леса, моря и старых европейских улиц. Когда мне становилось тесно в собственной жизни, я садилась под фотографиями моря и долго смотрела на белую линию прибоя. От одного взгляда на неё дышать становилось легче. Часть снимков я вырезала из журналов, другие распечатала, выбрав самые красивые из множества вариантов. Над письменным столом висели записки с цитатами из книг или моими мыслями, которые особенно нравились. Рядом с ними я прикрепляла засушенные листья. Один листик наклонился набок. Я поправила его.

«Держись ещё немного», — подумала я, но казалось, что говорю это не листику, а себе самой.

Всё в комнате было на своём месте. Кроме одной вещи. На верхней полке шкафа стояла старая фотография в простой деревянной рамке. Её края были потёрты, а на стекле виднелась тонкая царапина. На фотографии мне было около четырёх лет. Я сидела у отца на плечах в бежевом спортивном костюме и крепко держалась за его волосы, а рядом стояла красивая светловолосая девочка. Папа и девочка улыбались в камеру, а я смеялась, запрокинув голову.

Я не помнила тот день. Почти ничего не помнила о своём детстве. Но когда я смотрела на фотографию, по телу разливалось тепло. Оно помнило больше меня.

Умывшись холодной водой в надежде окончательно проснуться, я несколько секунд смотрела на своё отражение в зеркале. Потом расчесала длинные светлые волосы и привычно заплела их в косу, туго переплетая пряди одну за другой. Коса легла на плечо, а торчащие волоски я аккуратно заправила за уши. Я почти закончила, когда заметила, что одна прядь всё-таки выбилась у виска, и только вздохнула: спорить с собственными волосами по утрам было бесполезно.

Перед шкафом я застыла дольше, чем планировала. На кровати уже лежали синие джинсы «мом» с высокой посадкой и белая футболка, но главным вопросом оставался свитер. Серый казался слишком скучным, голубой — слишком тонким. Бежевый нравился мне больше остальных, но почему-то сегодня выглядел неуместно. Я по очереди прикладывала каждый к себе, смотрела в зеркало и тут же меняла решение. В итоге снова остановилась на сером, хотя ещё минуту назад была уверена, что выберу голубой. Вздохнула, быстро оделась, поправила косу и пошла завтракать.

— Ты опять босиком, дочка! — воскликнула мама, едва я переступила порог кухни. Она замерла, и в её взгляде смешались укор и привычная тревога.

— Пол тёплый, — ответила я тихо, усаживаясь за стол и слегка поджимая пальцы, будто доказывая самой себе, что мне совсем не холодно.

— Это потому, что я включил отопление, — хмыкнул папа, не отрываясь от завтрака. В его голосе слышалась лёгкая усмешка: он всегда был на моей стороне, пусть и не слишком явно. — Решил, что так у тебя хотя бы будет шанс не простудиться.

— Ты однажды заболеешь, — вздохнула мама, ставя передо мной тарелку с горячими сырниками и кружку капучино; над ними поднимался лёгкий пар.

— Я поняла, — привычно протянула я, но тут же подняла глаза и чуть улыbnулась. — Но я же не виновата, что тапочки вечно куда-то пропадают. То ли кто-то их прячет, то ли они сами убегают.

Мама закатила глаза, но не удержалась и фыркнула:

— Ага, конечно. У тебя тапочки ведут самостоятельную жизнь.

— Ну а что? — Я пожала плечами. — Может, им скучно стоять у двери. Хотят приключений.

Папа закончил завтракать и, отодвинув тарелку, открыл ноутбук. Взглянул на нас, качая головой, но в уголках его губ пряталась улыбка:

— Ладно, ладно. Пусть ходит босиком. Зато потом сама пойдёт эти тапочки искать. Вот это будет настоящее приключение.

Я тихо рассмеялась, чувствуя, как тепло разливается не только от чашки, но и от их привычных, немного ворчливых, но таких родных слов. Я не всегда умела говорить о том, как мне это важно, но внутри всё сжималось от благодарности.

Именно такие моменты я любила больше всего. Жизнь не была идеальной. Родители много работали: папа часто приходил домой поздно, а уходил очень рано; мама возвращалась с работы уставшей, а иногда засыпала прямо на диване, не успев снять пальто. Поэтому я старалась помогать ей по дому, делая всё тихо, чтобы лишний раз не тревожить.

Мама погладила меня по волосам, а потом положила ладонь мне на руку и тут же нахмурилась.

— Опять холодные, — произнесла она мягко, но всё равно чуточку строго.

— Это потому, что я общалась с дождём, — пожала я плечами, пряча улыбку и опуская взгляд.

Папа, не отрываясь от ноутбука, чуть повернул экран в сторону, будто это могло помочь ему сосредоточиться, и внимательно на меня посмотрел:

— Он хотя бы ответил? Или просто мимо пролетел?

— Очень содержательно, — тихо хмыкнула я. — Постучал по окну три раза. Думаю, это был знак.

Мама не выдержала и рассмеялась так, что даже плечи затряслись; её смех подхватил и меня. Но даже смеясь, я не спешила раскрывать больше, чем уже сказала.

— Сегодня после учёбы зайдём в магазин? — спросила мама, развязывая фартук и наклонив голову чуть набок, будто от этого вопрос звучал убедительнее.

— Конечно, — ответила я, и в голосе звенело нетерпение: магазин означал тишину между полками — можно бродить, и никто не ждёт от тебя слов. — Что купим?

Я подалась вперёд, глядя на маму с надеждой.

— Продукты, конечно. И что-нибудь сладкое к чаю. Может, те твои любимые мини-кексы с клубничной начинкой.

— А ещё...

Я сделала паузу, будто собиралась признаться в чём-то очень важном, и тут же быстро добавила:

— А новую книгу? Ну пожалуйста! — Я широко распахнула глаза, на секунду сжала губы, а потом продолжила тише: — Я её уже присмотрела. У неё обложка такая... будто внутри спрятан целый мир.

Папа посмотрел на меня поверх экрана: взгляд у него был спокойный, но в нём мелькнула весёлая искорка.

— Ты же несколько дней назад покупала. Неужели уже прочитала?

— Я её ещё не дочитала, — призналась я, слегка потупившись, но тут же снова подняла голову. — Но я уже знаю, что она закончится слишком быстро. И мне хочется, чтобы следующий мир был уже под рукой. Ну, знаешь, чтобы не оставаться в тишине, когда последняя страница перевернётся.

— Это ты говоришь про каждую новую книгу, — добродушно усмехнулся папа, покачивая головой; в его смехе не было упрёка — скорее восхищение этой моей бесконечной жадой историй.

Мама лишь покачала головой, но в глазах у неё появилась тёплая улыбка — такая, которая говорит: «Ну как с тобой спорить».

— Ладно, — вздохнула она, и в этом вздохе слышалось сдающееся «да». — Посмотрим. Если место в сумке останется — возьмём. Но сначала продукты, договорились?

Я просияла, будто мне пообещали не книгу, а целое приключение.

— Договорились, — ответила я как можно ровнее и вновь посмотрела в окно.

На стекле дрожали капли, словно каждая пыталась удержаться на месте, но всё равно медленно сползала вниз. За окном серел двор: дома, деревья, детская площадка и фонари казались размытыми. Дождь заставлял меня улыбаться. Совсем чуть-чуть. Он скрывал лишние звуки, смывал с улиц пыль и делал мир честнее. Под дождём все становились одинаковыми — промокшими, торопливыми, настоящими.

— Ты опять где-то в своей вселенной, дочка, — мягко сказала мама, убирая с моего лица выбившуюся прядь.

— Я просто думаю, — ответила я, не отрывая взгляда. — Дождь делает деревья темнее. Мама посмотрела в окно, потом на меня.

— Только ты можешь начать утро с такого наблюдения, — проговорила она, легко коснувшись моей спины.

— А что в этом плохого? — с непониманием спросила я, пожимая плечами.

— Ничего. Просто остальные думают о том, как не опоздать на работу.

— Я тоже могу опоздать в университет.

— Ты? — мама слегка подняла брови. — Это будет историческое событие.

Я тихо рассмеялась, чуть не поперхнувшись капучино. Папа внимательно на нас посмотрел и вернулся к ноутбуку.

После завтрака я помогла маме убрать со стола и торопливо ушла в коридор — стараясь не встретиться с ней взглядом. Вдруг попросит рассказать, о чём я думаю. Я не всегда знала, что ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.